

В. И. Кац

Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом

Keywords: Chersonesos Tauric, Moscow Archaeological Society, Imperial Archaeological Commission, P.S. Uvarova, A.A. Bobrinsky, K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich.

Cuvinte cheie: Chersonesos Tauric, Societatea de Arheologie de la Moscova, Comisiunea Arheologică Imperială, P.S. Uvarova, A.A. Bobrinski, K.K. Kostiuško-Valiujinici.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Московское Археологическое общество, Императорская Археологическая комиссия, П. С. Уварова, А. А. Бобринский, К. К. Косцюшко-Валюжинич.

V.I. Kac

The Beginning of the Excavation in Chersonesos Tauric by Imperial Archaeological Commission

The Imperial Archaeological Commission began excavations in Chersonesos on May 16, 1888. To some extent, these works were initiated by the memorandum of the chairman of the Moscow Archaeological Society, countess P.S. Uvarova, to Alexander III, sent a year before, in which the disastrous state of the ancient monuments of Chersonesos was colourfully described. Undoubtedly, countess hoped that the Moscow Society would be entrusted to improve the situation. However, the initiative was intercepted by the chairman of the Imperial Archaeological Commission A.A. Bobrinsky. He managed not only to get an exclusive right for the Commission to carry out excavations in Chersonesos, but also to find a dignified candidacy of the leader of this research — a resident of Sebastopol K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich. Already the first field season was so successful that in the future, until the beginning of World War I, the Archaeological Commission annually conducted research in Chersonesos.

V.I. Kac

Începutul săpăturilor în Chersonesos Tauric de către Comisiunea Arheologică Imperială

Pe 16 mai 1888, în Chersonesos Tauric au demarat săpăturile, organizate de către Comisiunea Arheologică Imperială. Într-un mod oarecare, drept imbold pentru aceste lucrări a servit scrisoarea-raport, expediată de către președintele Societății de Arheologie din Moscova, contesa P.S. Uvarova pe numele lui Alexandru al III-lea, în care se descria amănunțit starea proastă a siturilor antice din Chersonesos. Evident, contesa spera, ca anume Societății de Arheologie din Moscova să-i fie ordonată ameliorarea situației. Însă, inițiativa a fost preluată de către președintele Comisiunii Imperiale, A.A. Bobrinski. El a reușit nu doar să obțină dreptul exclusiv asupra realizării săpăturilor în Chersonesos, ci și să identifice o candidatură demnă de a conduce aceste lucrări. Acesta a devenit locuitorul orașului Sevastopol, K.K. Kostiuško-Valiujinici. Deja prima campanie de săpături s-a dovedit a fi atât de reușită, încât ulterior, până la începutul Primului război mondial, Comisiunea Arheologică a efectuat cercetări anuale în Chersonesos.

V. И. Кац

Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом

16 мая 1888 года в Херсонесе Таврическом начала раскопки Императорская археологическая комиссия. В какой-то степени толчком к проведению этих работ послужила посланная за год перед этим докладная записка председателя Московского археологического общества графини П. С. Уваровой на имя Александра III, в которой красочно описывалось бедственное состояние античных памятников Херсонеса. Несомненно, графиня надеялась, что именно Московскому археологическому обществу будет поручено исправить сложившуюся ситуацию. Однако инициативу перехватил председатель Императорской комиссии А. А. Бобринский. Ему удалось не только добиться того, что Комиссия получила исключительное право на проведение в Херсонесе раскопок, но и подобрать достойную кандидатуру руководителя проводимых исследований. Им стал житель Севастополя К. К. Косцюшко-Валюжинич. Уже первый полевой сезон оказался настолько успешным, что в дальнейшем, вплоть до начала первой мировой войны, Археологическая комиссия ежегодно проводила исследования в Херсонесе.

Где-то в начале июня 1887 года на столе кабинета Александра III в Гатчине оказалась докладная записка председателя Московского Археологического общества (МАО) графини П. С. Уваровой (рис. 1) (Документы... 1887: Л. 16—24). Записка была прочитана императором крайне внимательно, о чём свидетельствуют многочисленные пометки, оставленные им на полях.

Графиня была известна императору лично. Последний раз он с ней встречался в Москве в марте 1883 года в период коронационных торжеств, когда её муж (председатель МАО гр. А. С. Уваров) знакомил императора с экспозицией только что открытого Российского Исторического музея, одним из создателей и фактическим директором которого он был. Знал Александр III и о кончине графа и о казусной истории, случившейся при выборе нового председателя МАО. Собралось правление, на заседании которого наиболее приемлемой кандидатурой была названа Прасковья Сергеевна, на протяжении двадцати лет активно помогавшая мужу в организации работы Общества. Но, к удивлению многих присутствующих, оказалось, что графиня не являлась членом Общества. Несмотря на свои новаторские начинания в организации археологического изучения России, Алексей Сергеевич в отдельных вопросах оставался типичным консерватором. Так, в частности, он был решительным противником присутствия в Обществе «дамского элемента» и в этом вопросе не сделал исключения даже для ближайшего сподвижника и сотрудника — своей супруги. Из создавшейся патовой ситуации правление вышло с честью. На том же заседании Прасковья Сергеевна была избрана почётным членом Общества, а через три месяца его председателем. Следует отметить, что она отнеслась к этой чести с определённой долей юмора, заметив, что при выборе учитывался и тот факт, что, «если я окажусь неспособной, то всегда легче и для них покойнее... свалить вину на слабую неспособную женщину» (Уварова 2005: 159). Таким образом, представленная на Высочайшее Имя докладная записка была одним из дебютных шагов графини на новом поприще.

Начинается она чрезвычайно пафосно.

«Древнейшая святыня земли Русской — город Корсунь или Херсонес... Здесь на берегу Чёрного моря равноапостольный князь Владимир венчался и принял святое крещение. Отсюда свет христианского учения распространился по всей России. Святыня эта должна быть дорога всякому русскому сердцу, должна быть известна всей грамотной России,

Рис. 1. П. С. Уварова (Уварова 2005: 2).

Fig. 1. P.S. Uvarova (Уварова 2005: 2).

должна служить основанием при изучении русской архитектуры и русского искусства, но не то мы видим на самом деле.

Вашему Императорскому Величеству угодно было прошлым летом посетить древний Херсонес и нам нет надобности распространяться ныне на счёт того запустения, в котором Херсонес предстал перед Августейшими глазами Вашими».

На поле напротив последнего абзаца рукой императора начертано: «верно, действительно был поражён этим безобразием».

Да и как было не возмущаться, если посещение императором Херсонеса закончилось «скверным анекдотом», как назвали произошедшее некоторые газетные фельетонисты. После завершения традиционного при визите в Херсонес ритуала — торжественной службы в храме святого Владимира — император пожелал ознакомиться с вновь открытыми на родине памятниками. Сопровождал его и давал объяснение иеромонах, руководивший в последние годы раскопками. Александр III уже был наслышан о том, что недавно были обнаружены развалины небольшого храма с хорошо сохранившимся мраморным мозаичным полом. Когда подошли к храму, то оказалось, что вокруг его остатков в целях сохранности была сооружена стена из тёсаного камня, сделана деревянная дверь с висячим большим замком. Однако попасть в храм

не удалось, у сопровождавшего императора чичероне не оказалось ключа. Побегали искать отца-ключаря, но так и не нашли. Покрутились император со свитой у закрытой двери и удалились ни с чем. Дошлые репортёры выяснили, что если бы даже справились с замком, то с искомой мозаикой познакомиться бы не удалось. Стену то построили, но забыли соорудить крышу и поставить сторожа. В результате однажды ночью какие-то злоумышленники перелезли через стену, выломали и унесли мозаику.

Но вернёмся к докладной записке. Далее Уварова подробно описывает раскопки, проведённые по распоряжению «Комиссии для исследования древностей» в 1853 году в Херсонесе её покойным мужем. Было исследовано несколько отдельно расположенных могил и склепов на некрополе, а на городище вскрыт полностью самый крупный в Херсонесе храм, который с того времени получил название «Уваровская базилика». «Крымская война помешала графу продолжить раскопки. Мозаика и колонны храма были засыпаны землёй»¹.

Заинтересовал Александра III и следующий пассаж в докладной записке:

«Французские войска заняли Херсонес и устроили в нём свою Главную Квартиру, при ней находились французские учёные, приехавшие, как после сами сознавались, с целью вскрыть несколько древних могил, с типом и вещами которых они познакомились по трудам графа Уварова. Но могилы эти остались немые и не открыли своих сокровищ».

Однако в этом вопросе графиня ошибалась. Во-первых, о результатах раскопок Уварова французские учёные ничего не могли знать, так как информация появилась в печати уже после Крымской войны. Во-вторых, судя по документам, французы никаких научных раскопок не проводили, был откровенный грабёж, осуществлявшийся рядовыми солдатами и офицерами. Были растащены древности, находившиеся в незадолго до того созданном в Херсонесе монастыре. Разобраны на сувениры находки, обнаруженные при строительстве на городище траншей и бата-

реи. Наконец, широкомасштабное ограбление городища проводилось под руководством полковника 39 полка Манро. По рассказам очевидцев, был открыт храм с мозаичным полом, который целиком был разобран и отправлен за границу (Тункина 2002: 529)².

Вся отмеченная выше информация составляла своеобразную вводную часть докладной записки. Основой же её стала безрадостная характеристика современного состояния памятников Херсонеса

«Но, что судьба спасла от иностранцев, то должно было погибнуть от рук тех, которые более других должны были дорожить первыми христианскими древностями народа русского.

Всем известно, как архимандрит здешнего монастыря Евгений расхищал Херсонес и, нагружая ночью полные барки, сбывал свою добычу на фабрику шипучих вод в Севастополь. С тех пор прошло много десятков лет, а положение Херсонеса всё более и более ухудшается, ... храмы и могилы расхищены, город и могильники стоят не ограждёнными, раскопки проводятся полуграмотными монахами без всякого контроля и научного плана, древние стены выламываются и употребляются на нужды монастырские.

Легко предвидится время, когда от древней Корсуни останется одна гряда камней, никому не нужных, ничего не говорящих, никого более не привлекающих. Не того следовало бы ожидать от столь громадного и могущественного государства».

На полях против этого абзаца пометка — «Да!!!»

«Повели Государь и древний Херсонес станет русской Помпеей, заинтересует всю благомыслящую Россию, привлечёт к изучению своих древностей не только русских учёных, но и путешественников из Западной Европы.

Труден и тернист путь, по которому пойдут первые работники и исследователи испорченного хищениями Херсонеса, но вера и надежда на лучшее будущее, на поддержку Вашего Императорского Величества направит, под-

¹ Здесь графиня не совсем точна. В связи с начавшейся войной с Турцией министр внутренних дел граф Л. А. Перовский, обеспокоенный сохранностью херсонесских памятников, доложил Николаю I об открытии базилики с мозаичным полом. Император повелел немедленно перевезти его в Эрмитаж. В начале мая 1854 года доставка мозаики была поручена А. С. Уварову. Она была разобрана, отреставрирована на Петергофской гранитной фабрике и уложена в одном из залов Эрмитажа (ныне II зал античного отдела).

² Два десятка лет тому назад мне было передано с десяток протирок с амфорных клейм, находящихся в фондах Лувра. Большинство из них содержат имена херсонесских астиномов, контролировавших керамическое производство в городе. В Средиземноморье, где французские археологи проводили исследование античных памятников, херсонесские клейма практически не известны. Вероятнее всего, луврские оттиски являются частью «боевых трофеев», захваченных в Севастополе. Не исключено, что в запасниках музея хранятся и другие херсонесские древности.

держит их силы и даст возможность довести дело до счастливого результата».

На полях против абзаца — «с радостью поддержу их».

«Эту трудную и на первых порах неблагодарную задачу возможно возложить на одно из археологических Обществ (на полях рукой императора начертано — кому именно?), требуя от него устройства на месте отдельной археологической станции со своим хозяйством, инспектором и консерватором, со своими стражами и работниками. Устроив подобную станцию, следовало бы, сократив монастырь, обязать новых хозяев содержать священнослужителей для постоянного служения в местной церкви. На содержание же археологической станции следовало бы отдать ей те земли, которыми пользуется теперь монастырь, а именно 400 десятин каменистой степи вокруг Херсонеса и земли в Мелитопольском и Бердянском уездах. Таким образом, не расходуя ничего нового, Правительство могло бы требовать и ожидать от учёного общества того, что следовало бы дать Херсонесу уже много лет тому назад».

Мы не знаем, какое впечатление на Александра III произвело предложение закрыть монастырь, но мне оно врезалось в память уже тогда, когда я впервые в студенческие годы познакомился с этим документом. И значительно позже в том же архиве ИИМКа мне чисто случайно попала в руки рукопись обширной работы (видимо, не опубликованной) некоего К. Г. Болтенко «А. С. и П. С. Уваровы» (РА ИИМК. Ф. 2. Д. №165). Статья написана в соответствии со сложившейся в советской историографии разоблачительной оценкой деятельности этой супружеской четы. Они, якобы, подчинили археологию задаче обслуживания интересов самодержавия. Все их силы были направлены на защиту и пропаганду православия, самодержавия и народности. А графиня, ко всему прочему, была «религиозной фанатичкой». Интересно, если бы автор был знаком с докладной запиской П. С. Уваровой, смог ли бы он интерпретировать её предложение закрыть монастырь как факт «оголтелого религиозного фанатизма»?

Александр III завершил знакомство с докладной запиской и вверху титульного листа начертал распоряжение статс-секретарю;

«Это необходимо сделать, чтобы не прольнуть за варваров. Поговорите об этом деле, с кем следует и представьте мне заключение и как можно скорее, чтобы спасти всё, что можно спасти».

Итак, громоздкая и неповоротливая бюрократическая имперская машина (именно так

её характеризуют многие классики русской художественной литературы XIX в.) заработала, выполняя монаршую волю. Прежде чем мы рассмотрим этапы и результаты этой работы, имеются основания выяснить, каково в действительности было положение с памятниками Херсонеса и какие события вызвали появление докладной записки П. С. Уваровой.

Регулярные раскопки в Херсонесе начали проводиться ещё с середины 70-х гг. XIX в. Относительно небольшие средства на их проведение выделялись Министерством Народного просвещения Одесскому обществу истории и древностей (ООИД). Однако последнее передоверило проведение раскопок местному монастырю, не осуществляя постоянный контроль над проводимыми работами. Принципы организации и результаты этих работ довольно скоро стали объектом суровой и, в основных чертах, заслуженной критики, исходящей со стороны как научных кругов, так и широкой общественности.

Переломным оказался 1884 год. С одной стороны, возникли трудности с финансированием дальнейших раскопок, проводимых монастырём. С другой — Военное ведомство запланировало крупные строительные работы на городище, руководство которыми было поручено инженер-полковнику А. Л. Бертье-Делагарду. Предварительное археологическое исследование района, где должно было осуществляться строительство батарей, вообще не планировалось. Правда, в какой-то степени Херсонесу повезло. Бертье-Делагард был известным коллекционером и знатоком древностей Крыма. Ему удалось наладить сбор археологического материала, встреченного строителями в ходе уничтожения культурного слоя на городище. Все обнаруженные находки (среди них одних монет насчитывались более 800) были препровождены в ООИД. Правда, в научный оборот находки не были введены, видимо, затерялись в фондах Одесского музея и оказались депортированы.

Показательна в связи с раскопками Херсонеса в этот период полемика, развернувшаяся весной 1884 года на страницах газеты «Севастопольский листок» между редакцией, в составе которой находились активные члены возникшего незадолго перед этим Кружка любителей истории и археологии Крыма, и вице-президентом Одесского общества В. Н. Юргевичем (Севастопольский листок, №14 и №26 за 1884 г.). Последний в письме, присланном в газету, оценил как неудовлетворительные результаты раскопок, проводимых обществом в Херсонесе, когда, затратив несколько тысяч рублей, «мы не получили

Рис. 2. К.К. Косцюшко-Валюжинич (<http://ru.wikipedia.org/wiki>).

Fig. 2. K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich (<http://ru.wikipedia.org/wiki>).

для нашего музея ни одной монеты, ни одной хотя бы малоценной вещи». Основной причиной неудачи он считает противозаконную, по его мнению, деятельность севастопольских любителей, скупавших похищенные солдатами, занятыми на раскопках, древности.

В комментариях к письму редактор газеты (один из инициаторов создания Круга) К.К. Косцюшко-Валюжинич (рис. 2) резонно указал на то, что уважаемый профессор путает причину со следствием. Нельзя получить от раскопок, проводимых без надлежащего надзора, хороших результатов. Да и чего можно было ожидать, «когда этим делом заведовали лица, хотя и достойные всеобщего уважения, но взявшиеся за археологические изыскания не сочувствуя им». В заключении отмечалось, что «нужно только радоваться, что большинство расхищенных в Херсонесе предметов попало в руки честных любителей и украшают теперь коллекции местного музея».

В том же номере газеты был опубликован проект новой организации работ на херсонесском городище с предложением обсудить его в преддверии VI Археологического съезда, который должен был состояться в августе 1884 г. в Одессе.

Мы не располагаем данными о том, что предложенный проект где-либо об-

Рис. 3. А.А. Бобринский (<https://m.slovari.yandex.ru/article.xml?book=rges&title>).

Fig. 3. A.A. Bobrinsky (<https://m.slovari.yandex.ru/article.xml?book=rges&title>).

суждался. Однако несомненно, что с ним были знакомы представители двух основных археологических организаций России: Императорской Археологической комиссии (ИАК) и Московского Археологического общества (МАО). Об этом свидетельствует письмо, направленное Комиссией в редакцию «Севастопольского листка» с просьбой выслать опубликованные в этом издании все материалы, касающиеся Херсонеса. Видимо, знаком был с этими публикациями и председатель МАО А.С. Уваров, посетивший осенью 1884 года после археологического съезда в Одессе Севастополь. Он как никто другой смог оценить нависшую над древностями Херсонеса опасность, и, видимо, поделился своими впечатлениями с графиней, которая ждала мужа в Ялте. Однако смерть помешала графу вмешаться в дела Херсонеса. Эту задачу, как мы видели выше, попыталась решить Прасковья Сергеевна, обратившись на Высочайшее Имя.

Интересное совпадение: 24 апреля³ 1887 года состоялось заседание Правления МАО, на котором была заслушана и одобрена записка Уваровой. И в тот же день незадолго до этого назначенный председателем ИАК граф А.А. Бобринский (рис. 3) отпра-

³ Все даты даны по старому стилю.

вил в Севастополь письмо Бертье-Делагарду (Документы... 1887: Л. 6.), в котором сообщалось:

«Считаю долгом воспользоваться изъявленной Вашим Высокопревосходительством готовностью заняться в нынешнем году исследованием некоторых частей древнего Херсонеса, ИАК назначила в Ваше распоряжение на производство этих работ аванс в 2,5 тысячи руб.

Для ближайшего и окончательного обсуждения на месте подробностей плана раскопок в мае месяце приедет в Севастополь член ИАК профессор Н. П. Кондаков, которым будут прикомандированы к Вам в помощь два студента Новороссийского университета, имеющие находиться при раскопках...».

Таким образом, общее руководство планировалось возложить на члена Комиссии, известного историка византийского и древнерусского искусства, профессора Н. П. Кондакова. Однако, в связи с тем, что последний не являлся археологом, было решено привлечь в качестве наблюдателя над проведением раскопок Бертье-Делагарда, на что тот, как мы видим, дал своё согласие.

Последний получил общие инструкции, касающиеся проведения самих раскопок. Из назначенной суммы он имел право «расходовать деньги, которые потребуются на изготовление планов и рисунков... Каждая посылаемая (в ИАК — В. К.) вещь должна быть снабжена особым ярлычком, с обозначением того же самого №, под которым она будет значиться в описи. В случаях каких-нибудь особенно интересных находок ИАК покорнейше просит Вас присылать ей тотчас же краткие извещения». По окончании работ ИАК покорнейше просит Бертье-Делагарда прислать ей финансовый отчёт (по приложенной форме), отчёт о проведённых исследованиях и опись обнаруженных находок.

События, предшествовавшие появлению этого письма, в документах отражены слабо. Известно только о ходатайстве, направленном Археологической комиссией на имя министра императорского двора И. Д. Петрова в конце января 1887 г. (Документы... 1887: Л. 6). В нём сообщалось, что в последнее время в ходе строительных работ, проводившихся Военным ведомством на территории херсонесского городища, были уничтожены многие интересные памятники древности. Комиссии об этом стало известно только тогда, когда работы были закончены. В связи с этим Комиссия признаёт необходимым:

1) для охранения развалин построить на городище небольшой караульный домик и содержать сторожа;

2) ежегодно производить систематические раскопки;

3) просить Военное ведомство, чтобы оно своевременно уведомляло Комиссию о планируемых строительных работах и этим давало бы ей возможность предварительно исследовать те участки, которые будут затронуты строительством.

Практически инициатива организации постоянных раскопок Херсонеса стала первым серьёзным мероприятием, затеянным новым председателем Археологической комиссии. Работы должны были начаться летом 1887 г., в Севастопольское казначейство был перечислен аванс на имя Бертье-Делагарда. Однако в последний момент, как свидетельствует записка, оставленная, видимо, Бобринским красными чернилами под письмом от 24 апреля, раскопки «по независящим от Комиссии причинам не были произведены в 1887 г. в связи с военными работами в Херсонесе по данным телеграммы Кондакова» и перенесены на следующий год. Имеется и иная версия: раскопки не состоялись «вследствие командирования за границу профессора Кондакова». Об этом упоминается в письме старшего члена Комиссии барона В. Г. Тизенгаузена Бертье-Делагарду от 27 июля.

Не исключено, что графиня Уварова знала о планах Археологической комиссии и об отсрочке начала раскопок в Херсонесе. А так как Московское общество было не против само начать здесь работы, она поспешила с отправкой докладной записки на Высочайшее Имя.

Как же развивались события после того, как Александр III дал указание «поговорить с кем следует об этом деле»? С докладной записки немедленно было сделано несколько копий, которые были разосланы заинтересованным лицам.

Уже в середине июня в руках Александра III появился первый отклик на записку П. С. Уваровой — заключение, составленное по результатам совещания министра народного просвещения И. Д. Делянова с обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым и помощником председателя Санкт-Петербургского Русского Археологического общества А. Ф. Бычковым (Документы... 1887: Л. 11—14). После краткого перечисления основных этапов изучения Херсонеса, в общих чертах подтверждающих выводы графини Уваровой о необходимости принятия экстренных мер для спасения памятника, в заключении рекомендуется:

«1) объявить, что производство дальнейших раскопок на местности древнего Херсонеса строго воспрещается и будет преследуемо (пометка Александра III на полях — главное, чтобы действительно выполнялось, теперь же строго запретить монахам производить раскопки и продавать найденные вещи);

2) возложить на Императорскую Археологическую комиссию, совместно с Одесским обществом истории и древностей ежегодно в определённое время проводить раскопку в Херсонесе;

3) для предметов найденных и имеющих быть найденными в Херсонесе устроить музей и вверить его охранение заслуженным ветеранам-воинам, под управлением специалиста археолога;

4) на всё это назначить достаточную сумму денег в размере, впрочем, не свыше 3—5 тысяч ежегодно».

Несомненный интерес представляет и заключительный абзац докладной записки:

«Что касается предложения графини Уваровой обращения в приходскую церковь монастыря и отнятия у него назначенной ему земли, то это едва ли может быть признано уместным».

Высказанные пожелания были одобрены императором — на полях пометка: хорошо.

Вторая копия записки Уваровой была отправлена в ИАК с просьбой дать заключение. Председателя Комиссии Бобринского в Петербурге не было, он проводил отпуск на Украине в своём родовом имении Смела. Получив по почте копию записки, он телеграммой отдал распоряжение Тизенгаузену, замещавшему его в Комиссии: «Начать подготовку раскопок, вне зависимости от хода обсуждения, сделать всё, чтобы задержать окончательное решение вопроса до начала работ, если не удастся, то стремиться доказать, что ни одно археологическое общество, будучи частной организацией, не способно вести раскопки в Херсонесе. Сделать всё, чтобы контроль был сохранён за Комиссией. Ссылаться на стремление её уже в этом году начать раскопки». Кроме того, Бобринский сообщил в Комиссию, что намерен в скором времени посетить херсонесские развалины и на месте обсудит с вице-президентом ООИД В. Н. Юргевичем «подробности дела».

Несомненно, Бобринский был крайне обеспокоен появлением записки Уваровой и возможностью того, что раскопки в Херсонесе могут быть поручены Московскому обществу.

Благодаря некоторым документам, сохранившимся в архивах, нам известно не только

время, но и некоторые подробности пребывания Бобринского в Севастополе.

Среди его бумаг, хранящихся в архиве ИИМК, находится тонкая папка с пикантным названием: «Об аресте графа А. А. Бобринского в Херсонесе» (РА ИИМК РАН. Ф. 25, 1887. Д. 10). Первый лист архивного дела содержит вырезанную из газеты «Новое время» заметку, сообщающую об этом казусном случае. Основная её часть — приказ по 13 пехотной дивизии от 13 сентября 1887 года:

«Унтер-офицер 49 Брестского полка Беляев 5-го минувшего августа задержал неизвестного ему человека... снимавшего план батареи и потребовал от него билета на право посещения окрестностей батареи. Но когда такого билета не оказалось у него, то отобрал рисунки и препроводил его самого под конвоем в крепостное артиллерийское управление».

После того, как было выяснено, что задержанный является председателем ИАК, камергером ЕИВ графом Бобринским, он был отпущен с извинениями.

«Из вышеизложенного усматривая бдительность часового и строгое исполнение унтер-офицером обязанностей караульной службы, объявить благодарность ротному командиру... и дать награды всем исполнившим свой долг при полном соблюдении военной вежливости.

Начальник 13 дивизии, генерал-лейтенант Батьянов».

Видимо, вначале граф решил проигнорировать появившуюся газетную заметку. Но после того, как этот приказ был перепечатан во многих других газетах, он не выдержал и написал сердитое письмо Ропу, командиру 7 армейского корпуса, в состав которого входила 13 дивизия:

«Отдавая полную справедливость бдительности и вежливости нижних чинов, задержавших меня, пока я намечал карандашом на листе бумаги следы развалин древнего Херсонеса, я должен, однако, заметить, что меня весьма удивили слова приказа, что я «снимал план батареи». Генералу Батьянову могло быть, кажется, известно, что меня как председателя Археологической Комиссии интересовали в Херсонесе не батарея, а развалины древнего города и что недоразумение, подавшее повод к моему задержанию, было немедленно выяснено местным военным начальством, возвратившим мне мои археологические пометки...

Не желая переносить дальше объяснение по этому делу на почву газетной полемики, я не считаю себя, однако, вправе совершенно обойти молчанием такое странное толкова-

ние цели посещения мною развалин древнего Херсонеса».

Незамедлительно последовал ответ Роба с извинениями и негативной оценкой приказа: «со своей стороны был крайне удивлён и огорчён бестактным поступком Начальника 13 пехотной дивизии».

Но Батьянов, вероятно, не разделял мнение своего непосредственного начальника. Вряд ли случайно, что письмо на имя Бобринского было направлено им лишь через три месяца после появления газетной заметки. В письме отмечается, что, «так как приказы по дивизии есть дело совершенно домашнее...», то в этом приказе я не считал нужным оправдать Ваше появление и работы на береговых батареях... Появление же в печати этого приказа меня изумило и даже возмутило». Видимо, проведя собственное расследование, Батьянов сообщает, «что этот приказ разрешил передать в газету начальник штаба Одесского военного округа генерал-майор барон Вревский». Получил ли какое-либо возмещение барон за то, что «слил» служебную информацию газетчикам, об этом история умалчивает. Инцидент был исчерпан.

Бобринский задержался в Севастополе ещё на несколько дней. Не исключено, что он опять посетил Херсонес, побывал на территории и в помещениях монастыря, где находились обнаруженные монахами древности. Скорее всего, на сей раз подробный осмотр развалин древнего Херсонеса проводился совместно с прибывшим в Севастополь Юргевичем. С ним были обсуждены и меры, которые необходимо было принять во исполнение монаршей воли. В заключение беседы Юргевич сообщил, что правление ООИД предлагает привлечь для участия в археологических исследованиях Херсонеса члена-корреспондента Общества Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича, проживавшего в Севастополе.

Эта достаточно редкая фамилия была уже Бобринскому знакома. Просматривая бумаги ИАК за предшествующие годы, он натолкнулся на обращение Косцюшко с прошением о зачислении его на вакантное место директора Керченского музея. В заявлении было сказано, что занятие археологией было заветной мечтой автора. Однако приложенные к прошению автобиография и послужной список мало соответствовали заявленной мечте.

Косцюшко родился в семье мелкопоместного дворянина польского происхождения. Шесть лет учился на подготовительном отделении Института Корпуса горных инженеров в Санкт-Петербурге. После расформирования Института, не завершив обучения, он

в связи с материальными затруднениями был вынужден начать трудовую деятельность на железной дороге в должности конторщика, а затем помощника главного инженера. Серьезное заболевание лёгких потребовало смены климата, и Косцюшко перебрался в Севастополь. Здесь он первоначально работал бухгалтером на железной дороге, а затем в Севастопольском городском банке, где быстро дослужился до должности товарища (заместителя) директора. Складывалось впечатление, что Комиссия имеет дело с типичным любителем, для которого археология является своеобразным хобби. Но ИАК, в отличие от Московского общества, относилась к любителям древности и коллекционерам с большим скептицизмом, полагая, что они, не имея специального образования, приносят больше вреда, чем пользы. Естественно, что прошение Косцюшко было отклонено.

Бобринский поделился с Юргевичем своими сомнениями относительно компетенции Косцюшко. Однако последний заверил Бобринского, что рассматривать Косцюшко как простого любителя уже не приходится. Действительно, обосновавшись в Севастополе и заинтересовавшись древностями Херсонеса, он начинал как любитель-коллекционер. Собрал в результате покупки и личного сбора материала в окрестностях Херсонеса небольшую коллекцию монет и амфорных клейм. Незадолго до описываемых событий он передал клейма в музей ООИД, сопроводив их интересными соображениями о локализации оттисков и их хронологии. Косцюшко, несомненно, был хорошо знаком с памятниками Херсонеса и мог принести большую пользу при их изучении.

Бобринский решил лично встретиться с Карлом Казимировичем. В тот момент ни он, ни Косцюшко-Валюжинич не могли предположить, что в дальнейшем на протяжении двух десятилетий, когда Косцюшко по поручению Комиссии руководил раскопками в Херсонесе, они будут тесно сотрудничать в деле изучения херсонесских древностей. При этом отношения их далеко вышли за пределы служебных и приняли дружеский и доверительный характер. Это, в частности, подтверждает письмо Бобринского от 6 июля 1896 г., посланное Косцюшко-Валюжиничу в ответ на поздравление с десятилетием вступления Бобринского на пост председателя Комиссии (Письмо... 1896: Л. 145).

«Весьма благодарен и судьбе и Юргевичу за данную мне возможность познакомиться с Вами. Помните ли, это было как раз в день полного затмения солнца?»

Информация, содержащаяся в письме, позволяет уточнить дату этой знаменательной встречи, она состоялась вечером 7 августа 1887 г., когда и наблюдалось полное солнечное затмение. Скорей всего, в тот же вечер А. А. Бобринский выехал в Смелу, откуда 9 августа он посылает на имя министра Императорского двора, которому подчинялась Археологическая Комиссия, заключение на записку Уваровой (Документы... 1887: Л. 37—42).

Это заключение представляет собой развёрнутую программу тех необходимых мер, которые способствовали бы сохранению и дальнейшему исследованию развалин Херсонеса.

Прежде всего, Бобринский, к тому времени уже ознакомившийся с запиской Делянова, согласен с тем, что «в продолжение почти столетия в Херсонесе производились раскопки каждым, кто только хотел ими заниматься. Меры же, применяемые в разное время с целью сохранения и исследования Херсонеса, не принесли должной пользы»

Причины неудачи:

«1) отсутствие заранее установленного плана и строгой системы при производстве раскопок;

2) отдача этого дела в руки учреждений и лиц, не обладающих ни достаточными сведениями (монахов), ни достаточными средствами (Одесское общество)».

«Я полагал бы необходимым:

1) безусловно, воспретить производить какие бы то ни было раскопки на месте древнего Херсонеса или вывозить отсюда любые обломки, монеты или другие предметы старины;

2) следует совершенно и навсегда воспретить монахам вмешательство в дело раскопок и сохранения руин;

3) вменить в обязанность Военному начальству в Херсонесе до приступления к каким-либо раскопкам или при создании земляных сооружений, сообщать о том предварительно в ИАК..., представлять в Комиссию все находки, сделанные на землях Военного ведомства;

4) передать дело дальнейшего исследования и сохранения существующих в Херсонесе развалин в заведование одного какого-либо археологического учреждения: или ИАК, или ООИД (совместное участие обоих учреждений не дало бы хороших результатов); мне кажется, что следовало бы отдать в этом деле предпочтение Комиссии, так как Одесское общество не справилось;

5) приказать с возможной скоростью монахам сдать в ведение Комиссии под точную

опись все находящиеся как в так называемом музее, так и на дворе, на аллеях и т.д. памятники древности..., а также всё собрание монет, древне-церковных и других вещей, хранящихся в витринах в одном из зал монастырского дома;

6) вменить ИАК в обязанность составить план дальнейшего исследования херсонесских развалин;

7) по утверждению плана поручить ИАК приступить к ежегодным раскопкам древнего Херсонеса;

8) разрешить ИАК построить в Херсонесе дом для лица, которое будет заведовать работами, а также построить, когда это будет необходимо, небольшой музей для собирания местных древностей;

9) поручить ИАК озаботиться изданием сборника всех имеющихся свидетельств о древнем Херсонесе, его истории и найденных в нём предметах старины;

10) на расходы ассигновать 4 тысячи руб. ежегодно».

Рекомендации А. А. Бобринского были приняты практически без изменений, и было решено, что в следующем сезоне Археологическая Комиссия проведёт раскопки в Херсонесе. Они должны были пройти по уже отработанной схеме: общее руководство осуществляет Кондаков, надзор за раскопками — Бертье-Делагард.

Однако к началу следующего 1888 г. ещё, видимо, не был окончательно решён вопрос о финансировании работ. Между тем до ИАК дошли слухи, что на херсонесском городище продолжают любительские раскопки и распродажа находимых древностей. Это вынудило председателя Комиссии обратиться к министру Двора с просьбой ускорить решение вопроса (Документы... 1887: Л. 45).

В апреле месяце 1888 г. в Крым для организации работ был командирован профессор Кондаков. 12 мая он получает телеграфом распоряжение Бобринского: «Организуйте раскопку херсонесского городища под начальством Делагарда при содействии Косцюшко. Ассигнуется тысяча рублей, необходимо спешить. Особые причины».

На следующий день в Санкт-Петербург ушла ответная телеграмма Кондакова: «По телеграмме Вашей, полученной мною вчера утром в Ялте, я приехал сегодня в Севастополь и не нашёл здесь Бертье-Делагарда. По словам Косцюшко, он не может взять на себя заведование раскопками, будучи слишком для того занят, но охотно примет участие и поможет своими указаниями. Напротив того, Косцюшко-Валюжиич совершенно свободен

Рис. 4. Херсонес. «Базилика в базилике» (фото автора).

Fig. 4. Chersonesos. «Basilica in the basilica» (photo by the author).

и очень желал бы посвятить досуг надзору за раскопками. Лично я нахожу, что Комиссия может вполне ему довериться».

И, наконец, — телеграмма с согласием А. А. Бобринского: «Будет исполнено по Вашему, тысяча рублей переводится телеграфом Косцюшко» (Документы... 1887: Л. 67—68).

Как видим, сумма ассигнований на раскопки по сравнению с той, которая планировалась ранее Бертье-Делагарду, была существенно сокращена. Видимо, определённые сомнения в компетенции Косцюшко у Бобринского оставались. В какой-то степени раскопки должны были носить косметический характер. В своём отзыве на записку Уваровой Бобринский первоочередной задачей считал необходимым убрать многочисленные отвалы, оставшиеся от раскопок, проводившихся ООИД, очистить все фундаменты зданий «прежнего города и обратить развалины Херсонеса в опрятные и чистые улицы». При этом он вполне правомерно полагал, что «следует заранее отказаться от надежды ежегодного обнаружения каких-либо редких древностей» (Документы... 1887: Л. 38).

Раскопки в Херсонесе начались в понедельник 16 мая, т. е. меньше чем через год после изъясления «Высочайшего повеления». Оперативность, вызывающая подлинное уважение и являющаяся примером для подражания современным чиновникам от археологии.

Правда, в отличие от последних, в императорской России нашлись люди (и в первую очередь председатель Археологической комиссии граф А. А. Бобринский), которые не только бодели за порученное им дело, но и были подлинными профессионалами.

Несомненно, до начала раскопок Кондаковознакомил Косцюшко с рекомендациями Комиссии. Но у того были несколько иные соображения. Косцюшко боялся, что, если раскопки не дадут находок, достойных поступить в коллекцию Эрмитажа, то Комиссия может прекратить дальнейшее финансирование работ в Херсонесе. Поэтому он уговорил Кондакова, наряду с отвозкой мусора к востоку от строящегося собора, заложить ещё два раскопа на городище.

Один из них находился на холме за пределами монастырской ограды, в выгребной яме. У подножья этого холма Косцюшко обнаружил мраморные архитектурные фрагменты и кубики мозаики. Раскопки, проведённые на этом участке, оправдали его ожидания. Были открыты фундамент храма, получившего в дальнейшем название «базилика в базилике», с хорошо сохранившимся мозаичным полом (рис. 4).

Однако ещё большая удача ждала Косцюшко на втором намеченном участке, расположенном рядом с монастырской известняковой обжигательной печью. В этом районе уже

проводились раскопки Одесским обществом, в ходе которых были вскрыты фундаменты плохо сохранившихся средневековых зданий. Этим раскопки и ограничились, так как в то время в учёном мире господствовало представление, что в районе у Карантинной бухты находятся развалины только средневекового Херсона, а древний Херсонес находился где-то в районе Маячного мыса. Косцюшко же, хотя у него в то время отсутствовал опыт проведения археологических исследований, неплохо знал современную западную литературу, посвящённую методике раскопок античных поселений, и был уверен, что при исследовании херсонесского городища на протяжении десятилетий нарушался один из основных принципов изучения памятников такого рода — проводить раскопки до материка. Именно так и проводились исследования участка у известняковой печи. После удаления разрушенных средневековых стен стали проводить раскопки нижележащего слоя. В результате были открыты два помещения, в одном из которых зафиксированы остатки небольшой гончарной печи, а на полу второго три десятка глиняных форм для изготовления терракотовых изделий.

Об обнаружении керамической мастерской Костюшко тут же сообщил Кондакову в Ялту, где тот находился на отдыхе. Кондаков после знакомства с обнаруженным материалом 24 июня отправляет телеграмму Бобринскому:

«Под средневековым Херсонесом открыты здания древнего. Найдена мастерская терракот, коллекция медалей лучшего стиля (рис. 5). Ассигнуйте на раскопки ещё тысячу рублей» (Документы... 1887: Л. 76).

Именно успешная работа Косцюшко на протяжении первого полевого сезона по-

Рис. 5. Гипсовый слепок, полученный из формы, обнаруженной в гончарной мастерской 1888 г. с изображением Геракла и Омфалы (Мальмберг 1892: таб. II: 1).

Fig. 5. Plaster cast obtained from a mold found in the pottery workshop in 1888 depicting Hercules and Omphale (Мальмберг 1892: таб. II: 1).

зволила в дальнейшем ИАК вплоть до революции проводить широкомасштабные археологические исследования в Херсонесе, а К. К. Косцюшко-Валюжиничу на протяжении почти двух десятилетий руководить этими работами.

Интересно, что за несколько дней перед открытием керамической мастерской раскопки посетила графиня Уварова. Она провела в Херсонесе два часа и, как писал Косцюшко Кондакову, осталась довольна организацией работ (Документы... 1887: Л. 88).

Литература

- Болтенко К. Г. 1936. А. С. и П. С. Уваровы. РА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 165.
Документы... 1887: *Документы о раскопках, проводившихся Императорской Археологической комиссией в Херсонесе в 1888 г.* РА ИИМК РАН. Ф. 1, 1887. Д. 22.
Мальмберг В. К. 1892. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах. *Материалы по археологии России* 7. Санкт-Петербург, 3—31.

- Об аресте графа А. А. Бобринского в Херсонесе.* 1887. РА ИИМК РАН. Ф. 25, 1887. Д. 10.
Письмо... 1896: *Письмо А. А. Бобринского К. К. Косцюшко-Валюжиничу от 6 июля 1896 г.* РА НЗХТ. Д. 39. № 111. Л. 145.
Тункина И. В. 2002. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.).* Санкт-Петербург: Наука.
Уварова П. С. 2005. *Былое. Давно прошедшие счастливые дни.* ТГИМ 144.

References

- Boltenko K. G. 1936. A. S. i P. S. Uvarovy (A. S. and P. S. Uvarov). Rukopisnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Hand-written Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 2. D. 165 (in Russian).
Dokumenty o raskopkakh, provodivshixsia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissiei v Khersonese v 1888 g. (Documents on the excavations conducted by the Imperial Archaeological Commission in Chersonesos in 1888). Rukopisnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury

- Rossiiskoi Akademii nauk (Hand-written Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 1, 1887. D. 22 (in Russian).
- Malmberg V.K. 1892. In *Materialy po arkhologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia)* 7. Saint Petersburg, 3—31 (in Russian).
- Ob areste grafa A. A. Bobrinskogo v Khersonese (On the arrest of count A.A. Bobrinsky in Chersonesos)*. 1887. Rukopisnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Hand-written Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 25, 1887. D. 10 (in Russian).
- Pis'mo A. A. Bobrinskogo K. K. Kostsiushko-Valiuzhinichu ot 6 iul'ia 1896 g. (Letter from A.A. Bobrinski to K. K. Kostsiushko-Valiuzhinich from July 6th 1896)*. Rukopisnyi arkhiv Natsional'nogo zapovednika «Khersones Tavricheskii» (Hand-written Archive of the National Preserve «Chersonesos Tauric»). D. 39. № 111. P. 145 (in Russian).
- Tunkina I. V. 2002. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.) (Russian science on the classical antiquities from the Russian south (18th — middle 19th century))*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).
- Uvarova P. S. 2005. *Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni (Yore. The dead and gone happy days)*. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 144 (in Russian).

Статья поступила в номер 16 января 2014 г.

Vladimir Kac (Saratov, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archeology and Cultural Heritage of the N. G. Chernyshevsky Saratov State University¹.

Vladimir Kac (Saratov, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie și patrimoniul cultural, Universitatea de Stat din Saratov „N. G. Cernișevskii”.

Кац Владимир Иванович (Саратов, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: anstrig1@yandex.ru

Address: ¹ Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russia